

А. А. КИРЕЕВ

**Несколько ответных слов
на брошюру г. Навиля «Католическая Церковь
и свобода вероисповеданий» ***

Между множеством брошюр, явившихся вследствие декретов последнего собора римской Церкви, на котором был провозглашен догмат папской непогрешимости, и предшествовавших ему событиям, мало можно встретить таких, которые были бы написаны с большею умеренностью и беспристрастием, чем последняя брошюра г. Навиля.

Примирительное направление автора и авторитет, которым он пользуется, значительно облегчили взятый им на себя труд. В качестве протестанта и христианского философа, он мог, более чем кто-либо другой, держаться в стороне от богословских споров, мог относиться к ним совершенно объективно.

Но, отдавая полную справедливость добрым намерениям г. Навиля и побуждениям, заставившим его выступить на арену с оливковой ветвью, мы не можем сказать, однако, чтобы он достиг предположенной цели, и не потому, чтобы он имел недостаток в способностях, а потому, главным образом, что взятый им на себя труд невозможен сам по себе. Доброе намерение почтенного г. Навиля разбилось об эту абсолютную невозможность.

Он хотел доказать, что настоящий римский католицизм может быть примирен с свободою!

Но понятия о католицизме и о свободе друг друга исключают взаимно, а г. Навиль, экс-профессор логики, не заметил того, что его любовь к миру, — миру во что бы то ни стало, даже с ущербом для логики, — ставит его в противоречие с самим собою.

«Католическая религия совместима ли с свободою вероисповеданий?» — спрашивает г. Навиль.

* Перевод с французского оригинала, появившегося в «Union chrétienne».

Прежде чем приступить к обсуждению самой сущности этого важного вопроса, г. Навиль входит в целый ряд рассуждений о религиозной свободе вообще.

Отдавая полную справедливость благонамеренности суждений почтенного философа, я, однако, считаю необходимым сделать несколько замечаний на его частные суждения. Г. Навиль утверждает, что гонение может быть воздвигнуто только со стороны государства, которое одно располагает материальной силою, а не со стороны Церкви; это положение требует некоторых поправок.

Прежде всего Церковь и государство могут быть соединены между собою так, что второе окажется в зависимости от первой (как это часто случалось в Средние века на Западе); очевидно, что при таких условиях гонения, навязываемые государству Церковью, должны быть вменяемы Церкви, хотя бы и исполнялись светскою властью. Ведь они совершались по приказанию Церкви. Церковь была головою, а государство лишь рукою. Голова, замыслившая и приказывавшая, не более ли виновна, чем рука, выполнявшая приказания? В настоящее время ход дел изменился; но если государство освободилось от слишком крепких объятий Церкви, то само общество часто берет на себя роль, которую играло государство в Средние века. Да и самое отлучение от Церкви даже и теперь может быть сопряжено с очень тяжкими последствиями.

Сколько примеров можно было бы привести!

Позволительно утверждать, что даже в настоящее время Церковь имеет возможность дать почувствовать тяжесть своей руки, не прибегая в этом отношении за помощью к государственной силе.

Но обратимся к тому, что составляет сущность рассуждения г. Навиля. Вопрос, который предстоит решить, состоит в следующем: католическая религия допускает ли законность применения силы в делах веры?

Г. Навиль приводит три главных основания для его решения. Три документа, на которые он ссылается, суть: силлабус, энциклика 1864 года¹ и декреты Ватиканского собора. Нужно заметить, что выбор, сделанный г. Навилем, служит доказательством его искреннего желания раскрыть истину. Действительно, эти документы могут вполне разъяснить вопрос. Г. Навиль основательно замечает, что развиваемые в них теории несомненно противны свободе. Но, прибавляет он, означенные документы, хотя и исходят из уст святого отца, *не обязательны, однако, для католиков*; поэтому они не более как изложение того, что святой отец считает за истину, но что также может быть и ложным. Г. Навиль полагает, что силлабус и энциклика, отнюдь не принадлежа к разряду документов, представляющих

идеи Католической Церкви, — представляют не более как мнения отдельной партии, — партии ультрамонтанской, и что папа не более как слепое орудие, управляемое этою партией. Действительно, замечает г. Навиль, эти документы явились не *ex cathedra*. Папа, со времени Ватиканского собора, правда, может обнародовать непогрешимые мнения в вопросах нравственности и догмата, не советуясь с Церковью, даже и без ее согласия, но тогда эти мнения должны быть обнародованы папой *ex cathedra*, то есть не в качестве только частного лица, а в качестве представителя учительного авторитета Католической Церкви. Это выражение *ex cathedra* подало повод к многим спорам и служит убежищем для боязливых католиков, которые хотят в одно и то же время остаться либералами и католиками и которые, запуганные мнениями, высказанными папою в вышеупомянутых документах, утверждают, что он говорил не *ex cathedra* и что его мнение для них необязательно. Это наивное самообольщение.

В IV главе догматического положения *de Romani Pontificis infallibili magisterio* (постановление Ватиканского собора) сказано, что папа говорит *ex cathedra*, когда он определяет учение, касающееся веры или нравственности, которое должно быть соблюдаемо всею Церковью, и когда он действует в качестве пастыря и учителя всех христиан, и в силу своего верховного апостольского авторитета *. Как ни плоха латынь отцов Ватикана, тем не менее текст совершенно ясен. Таким образом, когда римский папа обращается ко всем католикам, когда он говорит в качестве вселенского учителя и представителя апостольского авторитета, тогда он говорит *ex cathedra*, и всякое учение, имеющее подобный характер, обязательно для всех католиков.

Собор прибавляет, что всякий, отвергающий подобным образом формулированные определения, подлежит отлучению от Церкви.

Что же мы видим в энциклике 1864 года? Святой отец обращается ко всей Церкви, — ко всему католическому миру, — *патриархам, примасам, архиепископам и епископам* Вселенской Церкви. Он напоминает им увещание своих предшественников, — говорит им, что они знают, с каким старанием и бдительностью *...quanta cura ac pastorali vigilantia Predecessores nostri... equequentes officium munusque pascendi agnos...* Что они преподавали во всякое время пасомым слово истины и спасительного учения и оберегали их от тех лиц, которые хотели подрывать основание католической религии и гражданского общества.

* Acta et Decreta sacrosancti oecumenici concilii Vaticani. Freiburgi Brisgoviae 1891. col. 431.

Он говорит им далее, что не раз уже осуждал печальные заблуждения века, после того, как был возведен «ad hanc Petri cathedram» и «pro Apostolici Nostri Ministerii officio»². Он напыщенно замечает, что неоднократно порицал заблуждения века и что он говорит им еще раз для спасения Церкви и для блага их душ «nobis divinitas commissa».

Что может быть точнее и яснее этого выражения: не это ли торжественнейшие учительские наставления ex cathedra? Не достаточно ли всего этого? Ужели хотят, чтобы папа в самом деле и, так сказать, фактически взошел на «кафедру» для научения вселенной?

Силлабус, содержащий в себе подробное исчисление заблуждений*, упомянутых в энциклике 1864 года, так же точно имеет характер официального авторитета. Папа обращается ко всему миру в силу своей апостольской власти. Он учит; и его учение совершенно обязательно. И каких вопросов ни касается он в этом документе? Все имеющее отношение к существованию государства или частных лиц подвергнуто в нем пересмотру; человек не может двинуться с места, не рискуя подвергнуться осуждению главы Церкви, облеченного могуществом Божиим. Он даже осуждает тех, которые говорят, что достойно похвалы (laudabiliter), если иноверные переселенцы в католические страны будут пользоваться позволением (liceat) свободно исповедовать свою веру. Г. Навиль совершенно справедливо считает силлабус неудобным для своей аргументации, но в прибавлении к своей брошюре он проводит странную идею, что собор, вполне признавая папскую непогрешимость в вопросах догмата, нравственности и веры, в то же самое время отвергает оную в делах гражданского управления, что собор предоставил это право самому себе и не отказался от оногo в пользу папы. Ничего этого нет, да и не странно ли, в самом деле, без всяких споров вручать папе свое спасение, свою веру, сделать его верховным судьей и непогрешимым законодателем всего, что есть для человека самого священного, самого драгоценного, свою нравственность, свою совесть, одним словом, всю свою душу, и оспаривать у него ничтожное право — решать вопросы, которые в сущности, не более как приложение к общественной жизни тех же самых законов, которые он издает в силу своей непогрешимости? Как! Я не оспариваю у папы права одобрять руководство морали святого (!) Лигуори³, и я вступаю в открытую борьбу с ним из-за удовольствия постановить такой закон, который

* И энциклика и силлабус редактированы в форме отрицательной, то есть например отлучаются от Церкви и те, которые думают, что Церковь (папа) не должна иметь светской власти etc.

позволил бы, например, протестантам или православным делать свободно процессии на улицах Парижа или Рима!..

Г. Навиль, желая доказать, что католицизм совместим с религиозною свободою, ссылается: во-первых, на брошюру доктора Фесслера, который заявляет, что энциклика и силлабус не суть акты, данные *ex cathedra*; во-вторых, на пастырское послание швейцарских епископов о папской непогрешимости и, наконец, в-третьих, на мнимое различие, будто бы сделанное Ватиканским собором между властью папы в вопросах догмата и нравственности и тою же самою властью в вопросах гражданского правления.

Мы видели, насколько содержание и даже слог энциклики и силлабуса доказывают, что лицо, обнародовавшее оные, убеждено в полноте своей власти, насколько оно говорит в качестве учителя и преемника апостольского, когда обращается к католическому миру, — объявляя ему свою волю.

В IV главе «*догматической конституции*» 1870 года, которую цитует г. Навиль в защиту своего положения, говорится в особенности о непогрешимости, об абсолютной власти папы в вопросах догмата и веры; быть может, это именно и дало ему мысль, что собор сделал ограничение относительно вопросов, имеющих отношение к гражданскому управлению; но в III главе, в которой говорится об основаниях главенства римского престола, собор объявляет, что всякий, отвергающий полноту папской власти не только в вопросах веры и нравственности, но и в тех, которые имеют отношение к дисциплине и церковному управлению, должен подлежать отлучению от Церкви*.

Но если папа самодержавен в делах церковного правления, то, очевидно, ему принадлежит и *право определять границы оно́го*, устанавливать и определять границу своей власти в вопросах чисто гражданских. Нужно ли искать тому примеров? Церковные запрещения, отлучения от Церкви целых стран, не служат ли здесь доказательством, что аргументы г. Навиля противоречат истории? ** Гражданское правительство, действительно, может протестовать и платить папе тою же монетою, но это не доказывает, чтобы папа ошибался с точки зрения римско-католического права, особенно того канонического права, которое усилено декретами Ватиканского собора.

* «Non solum in rebus, quae ad fidem et mores, sed etiam quae ad disciplinam et regimen Ecclesiae per totum orbem diffusae pertinent». Acta Con. Vat. cor. col. 429.

** Ведь папа накладывал интердикт на целые государства для того, чтобы заставить государя подчиниться его воле.

Право, которым обладает папа, отлучать от Церкви членов Католической Церкви, не может быть оспорено г. Навилем; как же может он утверждать после того, что он не имеет права вмешиваться в дела государства? Если он имеет право отлучить от Церкви католика, который осмелился бы стать на сторону государства в борьбе с церковною юрисдикциею, он этим самым уже решает вопрос. Действительно, в силу неоспоримого права отлучения папа имеет возможность делать из всего, что он считает правильным, закон, которому необходимо подчиниться под опасением подвергнуть опасности свое вечное, загробное спасение. А правила такого рода оставляют ли тень свободы?

Очевидно, что для хорошего католика нет средств избежать страшных последствий постановлений Пия IX⁴; должно прибавить, что ватиканские декреты столько же систематичны, сколько и могущественны; как бы ни отбивался человек, — его душа скована, и с нею вся его жизнь; все предвидено; ничто не оставлено на случай; страшные приговоры главы Церкви преследуют человека даже в самых сокровенных изгибах его совести. Католики не имеют даже права оставаться беспристрастными зрителями той войны, которую объявил Ватикан государству; а война эта не объемлет ли вполне всю его общественную жизнь? Папа заявляет, что тот или другой вопрос подведомствен церковному праву, положим, например, вопрос о введении нравственных книг Лигуори в школы, или вопрос о том, что в интересах Церкви должно оставить французский оккупационный корпус в Риме для защиты светской власти. И что же? Всякий католик будет принужден покориться означенным решениям и сделать все зависящее от него, чтобы эти декреты были приняты правительством его страны, и обществом, в котором он состоит членом; более того, так как в случаях борьбы между законом человеческим и законом Божиим должно повиноваться, очевидно, сему последнему, католик постоянно должен находиться в положении скрытого врага своей страны. И это не простая риторическая фигура; нет, он должен делать все зависящее от него, чтобы воспротивиться в своем отечестве и в целом мире всему тому, что не нравится римской курии; *ему даже запрещено под опасением отлучения сочувствовать идеям, осужденном папою, и тем людям, которые разделяют оные.* Где же та свобода, о которой толкует простодушный философ Навиль?

Разберем второй документ, который цитует г. Навиль в защиту своего положения, то есть пастырское послание швейцарских епископов 1871 года. Это не брошюра, написанная частным лицом, — это заявление епископов всей страны, возвышающее свой голос для объяснения смысла и важности папской непогрешимости. Посмотрим,

однако, что находится за прекрасными фразами швейцарского епископата.

Г. Навиль старается оградить свободу католиков в делах гражданского и политического права; епископы же очень остерегаются провести границу между обеими сферами человеческой деятельности, — сферой гражданской жизни и жизни религиозной; дело, впрочем, совершенно бесполезное, когда религиозная жизнь догматически направляется декретами одного лица, которое без апелляции решает, что нравственно и что безнравственно, — что от веры и что не от веры. Легко говорить, как говорят епископы, в общих выражениях, но лишь только доходишь до практического вопроса, затруднения сейчас же обнаруживаются. Они говорят, что *должно повиноваться государству во всем нравственно дозволенном*; но ведь сам папа решает, что дозволено, нравственно, и что не дозволено, безнравственно. Они говорят: *непогрешимость исключительно заключается в области католических истин, касающихся веры и нравственности, и не простирается ни на что прочее*. Но так как папе принадлежит право решать, что истинно и что ложно, определять, что именно образует область католических истин, касающихся веры и нравственности, то очевидно, что ему дана возможность простираť свою юрисдикцию на все, что захочет. Если бы епископы сказали: папа не непогрешим в вопросах права гражданского и политического, касающихся интересов Церкви, тогда г. Навиль имел бы основание ссылаться на них; но эти духовные сановники очень опасаются говорить подобным образом; это закрыло бы для них дверь, которую они оставляют на всякий случай раскрытою. Они с успехом борются с препятствиями, которые сами же устраивают; они защищаются против обвинений, которые никем не формулированы; так они повторяют, что папа не непогрешим как человек, что он не есть существо безгрешное (только этого не хватало после Александра Борджии и стольких других)! Они даже исчисляют те случаи, в которых папа погрешим, но тем не менее они говорят, что папа непогрешим как верховный учитель Церкви, и что когда он принимает какое либо решение в делах веры и нравственности, то это его решение имеет характер обязательный. Но мы уже видели, что если уступишь в этом пункте, то все остальное нечего и защищать. С другой стороны, достойно замечания, что католицизм в трудные минуты, когда общество особенно занято его требованиями и успехами, умеет входить в сделку с Небом и идет гораздо далее, чем заявление швейцарских епископов. Каких уступок не делает он людям сильным, когда дело идет о том, чтобы его терпели? Каких нравственных послаблений не позволяет он, лишь бы только эти люди ему покорились?

Иезуитские миссионеры в Китае и Индии разве не дошли до того, что изменяли сущность самого христианства, лишь бы только иметь возможность увеличить число агнецов римского папства? Этот факт достоин замечания, и, вероятно, иезуиты, отправившиеся на проповедь в Азию, не все были людьми без убеждений; многие, напротив, были очень убеждены и подвизались до мученичества, между ними были и святые. То, что они делали, они делали с сознанием, и считали своею обязанностью действовать так, как они действовали, то есть жертвуя интересами религии интересам Рима. Чтобы доставить торжество папе, они жертвовали Христом и изменяли сущность христианства для того, чтобы не слишком озадачить и затруднить неопитов и облегчить им вход в римскую церковь. Иезуитизм, управляющий в настоящее время католицизмом, составляет систему, которая все сносит, когда идет дело о достижении известных целей, которая умеет делать всевозможные уступки духу времени, но, когда проходит буря, он снова поднимает голову и снова заявляет о всех требованиях, о которых, по-видимому, было забыто.

Г. Навиль, по-видимому, придает некоторую важность фразе, приведенной швейцарскими епископами, что *папская непогрешимость простирается* только на откровения, уже данные Богом, то есть уже находящиеся в сокровищнице (au dépôt de la foi). Но чего нельзя найти в догматическом арсенале схоластики Средних веков? Есть ли какой-либо спорный вопрос, которому нельзя было бы найти прецедента? Чего бы нельзя было причислить к *depositum fidei*?⁵ К чему нельзя бы было приискать подходящего канона?

Чтобы более выяснить свои воззрения для публики, г. Навиль воспроизводит вымышленный разговор между либеральным люцернским католиком и ультрамонтанским католическим священником, который желал позаняться политикою. Люцернец скоро поборол своего собеседника, который замолчал, выслушав умное, примирительное и благосклонное увещание.

Я допускаю, что добродушному патеру пришлось замолчать, он говорил о Риме и о папе на основании взглядов Навиля, но продолжим вымысел г. Навиля и поставим этого самого люцернского гражданина лицом к лицу с самим папою.

«Сын мой, — говорит святой отец, — такой-то священник говорит мне, что на будущих выборах вы не желаете подать своего голоса за церковные интересы: это не хорошо — интересы Церкви, которые суть интересы Неба, а вместе с тем и интересы вашей собственной со- вести, — должны предшествовать интересам государства».

Тут люцернец, суровый горец, забыв правила этикета, прерывает главу Церкви: «Святейший отец, — говорит он, — вы знаете, что

я смиренно отношусь к авторитету Церкви, но пастырское послание наших епископов говорит, что Вы не непогрешимы в ваших политических соображениях и что Ваша компетентность не распространяется на гражданский порядок».

— Ну вот, так я и ожидал, — отвечает святой отец, — что Вы укажете ваших епископов, этому я очень рад, — но так как Вы цитируете моих епископов, то мне кажется, что и я также имею право на некоторый авторитет и что мое мнение стоит мнения епископов. Что Вы об этом думаете?

Но гражданин Гельвеции (Швейцарии. — *Сост.*) сдается нелегко. «Очень может быть, святейший отец, — замечает он, — мне кажется, однако, что в актах последнего собора... Я, правда, не знаю латинского языка; но вот г. Навиль...»

— Только этого не доставало! Если г. Навиль думает, что оказал мне услугу своей книжкой!

— Однако, святой отец, это человек замечательный, и кажется, что его сочинение переведено даже на русский язык.

— Что же это доказывает? — говорит папа, — схизматики Лютера и схизматики Фотия стоят одни других; но вы католик; вам, кажется, должно знать, что догматическим постановлением 1869 года определено, что все читающие еретические книги, не получив предварительно на то разрешения от своего епископа, подвергаются отлучению от Церкви, особенно если означенные книги передают идеи, объявленные ложными в официальных органах епископов; и “*Courrier de Genève*”, один из лучших органов, — должен был вам сообщить, что г. Навиль ошибается. Впрочем, дело идет не о г. Навиле, — дело идет о вашем спасении».

— Я только того и желаю, чтобы верить Вам, святейший отец; но вы должны сознаться, что самый Ватиканский собор не дает Вам непогрешимости, исключая разве тех случаев, когда Вы учите *ex cathedra*; в этом заключается главная наша гарантия! Да, святейший отец, это великая конституционная гарантия...

— Мне кажется, однако, замечает папа, что если я говорю точно и ясно, то этого будет для вас достаточно?

— Нет, святой отец, извините! Этого мне недостаточно; мы гордимся правами, которые нам дал самый Ватиканский собор, мы свободные люди; мы не считаем себя обязанными подчиняться всему, что вам угодно будет решить; повторяю, — собор объявляет, что для того, чтобы говорить безусловно авторитетно, так, чтобы ваше слово было обязательно, Вы должны говорить *ex cathedra*, то есть говорить в качестве пастыря всех христиан и в силу вашего апостольского авторитета; Вы должны объявить, кроме того, что спорный вопрос

относится к нравственности, вере, церковной юрисдикции; а ведь Вы всего этого мне перед спором со мной не объявляли.

— Ну, так что ж, пожалуй! Вот я и объявляю, что буду говорить с вами *ex cathedra*. Мне кажется довольно странным, что первый встречный решается полагать границы моей непогрешимости! По какому праву? Каким образом может человек, подверженный заблуждениям, излагать правила для того, кто непогрешим? Я говорю *ex cathedra*, когда я пожелаю, стало быть, я и непогрешим, когда я захочу; таков закон, который вы сами допускаете. Если вы думаете, что я должен обставить мою декларацию теми или другими формулами, я могу доставить вам это удовлетворение. Возьмем следующий пример. В Швейцарии рассматривали проект закона, который враждебен введению сочинений святого Альфонса *Лигуори* в гимназиях и который снисходительно смотрит на публичные процессии старокатоликов на улицах Люцерна. Ну вот я и объявляю *urbi et orbi*, что я говорю *ex cathedra*, от имени святого престола, и в силу моей апостольской власти, что всякий католик, под опасением отлучения *lata sententia*, обязан заботиться о введении в гимназии сочинений святого Альфонса *Лигуори*, так как это полезно для нравственности, и препятствовать процессиям старокатоликов, так как это может извратить идеи народа и предосудительно для интересов моей Церкви. Вот вопрос и решен; надеюсь, что вы удовлетворены и не посмеете далее навязывать мне, главе Церкви, ваши взгляды относительно пределов моей юрисдикции.

Форма разговора, приведенного мною, может, конечно, быть и иная, но сущность идеи от этого не изменится: чем глубже человек, занимающий престол святого Петра, верует, чем более он проникнут истиною своих мнений, тем более он постарается дать им ход.

Не странно ли предполагать, что человек, глубоко убежденный в том, что он верует правильно, не захочет воспользоваться возможностью распространять свои идеи с помощью непогрешимого и законного средства, которым он может располагать по произволу?! Папа имеет право говорить *ex cathedra*, *когда* он хочет и *как* он хочет. Он имеет возможность вводить самые разнообразные вопросы в ту область, в которой он царствует безраздельно; допустимо ли при этом, чтобы он не воспользовался своими правами? Какой человек, имевший возможность и право придать выражению своих убеждений безусловную истинность и спорящий с другим человеком, не прибегнет к этому простому аргументу? Наивно от него отказаться.

Есть лица, утверждающие, что папа ничего не пожелает сделать, клонящегося к нарушению прав частных лиц и государства. Прежде всего факты доказывают противное; достаточно прочитать

документы, приведенные выше, для того, чтобы убедиться в этом; притом ведь, если и предположить, что папа всегда окажется благожелательным и бескорыстным человеком, он просто по неясному пониманию истины может декретировать зло. Ведь и Торквемада думал, что он делает добро своим жертвам. Может быть, папа не захочет делать зла, но мне достаточно знать, что он *может* сделать зло, что ему нравится (то есть что он считает истинным и полезным) для того, чтобы мне прийти в содрогание от этого могущества, для того, чтобы сделать все возможное для ограждения наиболее действительными мерами моей совести, моей веры. Навиль не знал громадной важности последнего Собора римской Церкви, не знал даже всей истории католицизма, без чего он, вероятно, не сделал бы странного предположения, что Ватиканский собор не окончательно завершен, что он может еще возвратиться вспять и обнародовать другие новые, *либеральные* декреты*. Чтобы допустить идею подобного рода, нужно не понимать, что учение Ватикана есть строго логический результат всей истории римского католицизма, начиная с той несчастной эпохи, в которую римский патриарх восстал против Вселенской Церкви и прервал единение с ней, единение, установленное Господом Христом и разъясненное Вселенскими соборами. Мнение г. Навиля не могло быть допущено, если бы не незнание *страшно логической* истории католицизма! Я позволю себе заметить, что желание г. Навиля водворить мир между государством и римским католицизмом препятствует ему видеть не только дурную, но даже хорошую, строго логическую сторону католицизма, ту сторону, которая делает его столь могущественным, столь страшным для его противников. Навиль хочет сделать из католицизма жиденскую и сладенькую религию. Именно с того времени, как папа вообразил себя наместником Божиим и неограниченным владыкой Церкви, — римская Церковь сделалась тем, чем хотели ее сделать великие ее представители — Николай I, Григорий VII, Иннокентий III, — то есть самую совершенную политическую систему, неумолимо логическую и ужасно последовательную. Гений латинских рас, развившийся в римской школе, должен был неизбежно прийти к этому результату по причинам, которые было бы слишком долго здесь исчислять; предполагать, что у римской Церкви можно произвольно похитить ее *увенчание*, *увенчание* этого замечательного здания, которое мало-помалу превратилось в темницу, в которую дух Григория VII хочет заключить все человечество и ключ от которой он принимает

* Действительно, такая ловушка существует, собор de jure не закончен, а лишь приостановлен.

за ключи рая, подобное предположение показывает странное непонимание истории. Я далек от мысли отрицать факт благотворного влияния римской Церкви в продолжение Средних веков, отрицать ту дозу истины, которую она содержит. Христианская религия опирается на два принципа: принцип церковного авторитета и принцип нравственной свободы каждого члена Церкви. Христианский Рим, неизбежно связанный с преданиями Рима цезарей, и оперся на первый из этих двух элементов религии, поставив второй на задний план, — заблуждение, вызвавшее впоследствии реакцию Гуса и Лютера⁶. Однако и в своих преступных преувеличениях Рим поддерживал и поддерживает принцип сам в себе законный и верный, но который, не имея противовеса противоположного принципа, дошел до полного отрицания сего последнего, — все это строго логично. В тот роковой день, когда римский епископ захотел сделаться не только *primus inter pares*⁷, но и *главою* себе равных, он встал на такую дорогу, которая *должна* была привести его к непогрешимости. Новый Адам, он нарушил Божественный закон и последовал голосу сатаны, сказавшего папе: *будешь как бог!* И папа поверил сатане, и сделался «как бог» для римско-католического мира. Но какую цену мог он сделаться богом? Какое условие его всемогущества? Условие это то, что пред всемогущим папою все превращается в прах, в безволие, отсюда учение об абсолютной подчиненности, которое привело к догмату непогрешимости. Религия христианская состоит в том, что *Бог сделался человеком*; религия католическая в том, что *человек сделался богом*. И г. Навиль надеется еще, что человек, сделавшись богом, согласится добровольно возвратиться в толпу, что католический мир может обратиться вспять. Нет! Перешедши подобный Рубикон, не обращаются вспять! Католицизм не может измениться, стальной узел стянут крепко, и те, которых он стягивает, могут рассечь его, но не развязать. Тем лицам, которые захотели бы изменить католицизм, папа должен дать гордый и достойный ответ, который дал иезуитский генерал Риччи симпатичному, но слабому Лаврентию Ганганелли⁸, просившему у него некоторых либеральных изменений в статутах ордена: *Sint ut sunt, aut non (ne) sint*⁹. Нет, поздно! г. Навиль ошибается. Его добрые советы запоздали слишком на 800 лет! Между новым миром и римскою куриею объявлена война, и не в настоящую минуту можно заключать гнилой мир, предлагаемый Навилем.

Почтенный Навиль признает, однако, что провозглашение догмата непогрешимости было несчастьем. Совсем напротив! Когда болезнь делается серьезною, то нужно остерегаться прельщать себя заведомо иллюзиями; нужно, напротив, смотреть ей в глаза, и стараться

изучить ее силу, а не предаваться оптимистическим мечтам и наивничать. В этом отношении провозглашение догмата непогрешимости далеко не несчастье, напротив, именно теперь, когда софизм Рима развился во всей своей полноте, когда можно дать себе совершенно ясный и точный отчет о его характере и можно с ним бороться. Конечно, борьба эта трудна. Рим представляет страшную силу, несомненно, однако, что все те, у которых еще живо религиозное чувство, у которых оно не извращено или не атрофировано именно теперь, ясно усмотрев и поняв весь объем и размер римских заблуждений, от них откажутся.

